Андрей ШАЦКОВ
Триптих раннего апреля

МЕЖСЕЗОНЬЕ
Проседают снега и когда-то, не сразу, не вдруг,
Но однажды настанет такое желанное лето.
Не гляди на меня с укоризной, неласковый друг.
Я уйти не могу. Я останусь с тобой до рассвета.

Межсезонье… Апрель запоздал в этот сумрачный год.
К Благовещенью могут грачи не вернуться на гнёзда.
Ледоход начинается… Только какой ледоход?
В зимнем небе горят в полыньях отражённые звёзды.

И на сердце твоё не приходит шальная весна.
И не бродит в берёзах апрельская терпкая брага…
Мне бы только суметь умыкнуть из медвежьего сна
Ту, которой готова с печальным сонетом бумага.

Слышишь, талые воды напевную песнь завели?
Обнажились прогалы земли и за светлыми днями
В старый Овстуг вернутся из дальних краёв журавли.
И растаявший пруд, словно луг, процветёт лебедями.

Что имеем – недолго в стихах с посвященьем храним.
Потеряем – и память забьётся в мучительном плаче…
А Россия стоит, словно Третий – незыблемый Рим.
В ней любовь не живёт, или просто зовётся иначе.

АПРЕЛЬСКОЕ
Это свежее небо, глядящее в бездну воды.
Свет Фавора, струящийся ниц из созвездий бутона…
Где-то там, за рокадой, пропали былого следы,
И Кощеево царство асфальта, стекла и бетона.

Прорастёт тишина в палисаднике купой берёз,
Меж рябин и сиреней и криво прибитых штакетин.
Я впервые уснул без дурмана, проснулся без слёз,
Отрешась от обид, недомолвок, смятенья и сплетен.

И почти что воскрес в этот светлый пасхальный канун.
И до первой звезды дотянулся, ожёгшись, рукою.
Мне «зелёные святки» подарит, наверно, июнь,
Если в землю, зегзицей, до Троицы дня не зароют.

Пусть наносное ныне уйдёт, как уходит зима.
Как понуро уходят незвано пришедшие гости.
Здесь с уставом чужим на порог не пускают в дома,
Где герани в сенях, и вязанками – луковиц гроздья.

Звон сочится, капелью срываясь с вершин церковей.
И сочатся берёзы прозрачной весеннею кровью…
И глядит, удивлённо, застрешины вскинув бровей, –
Та, которая стала последней, нежданной любовью.

И озёрные ветры, на солнце, блестя чешуёй
Рыбьих стай, что стремятся на нерест в протоки,
Хороводом кружатся над юной апрельской землёй…
И цветёт краснотал, и рождаются светлые строки!

В АПРЕЛЕ
Ждём гусей, жаворонки давно прилетели.
Прошлогодние гнёзда отчаянно делят грачи.
Поутру, просыпаясь, окажешься в раннем апреле:
«Что за дни наступили и чьи они?» – Божьи, ничьи.

От снегов до листа, и от Благостной Вести до Пасхи.
Как зовут это время? По правде, особо никак.
Расцветает подснежник, проснулись анютины глазки.
Лихорадкою талой воды сотрясает овраг.

И трепещет душа – не привыкшая к вёснам доселе,
И как первая иволга, робкую песню поёт.
И несутся стрижи, и летят за стрижами метели.
Замыкается в круг – этот первый с последним полёт.

А угли «Костромы» – не дымят, догорев у дороги,
Где зачином Поста стал Прощёного первый голбец.
И кричат по лесам, разбиваясь на пары сороки,
И берёзовым соком опять набухает рубец.

А на Вербное – верится, будет и дале Россия –
Та, которую резвым умом чужаку не понять…
И в Златые ворота Владимира въедет Мессия.
А в Торговые – выбежит в страхе полунощный тать.

Нету счастья в нужде. Нет его и в боярских хоромах.
Только здесь, на земле, на которой живёт красота:
Удивляешься, ждёшь, расточаешься в снах невесомых –
Где близка синева и процвёл в синеву краснотал.

СВЯТКИ
Глянешь в окна, у ворот под аркой
чья-то тень, душа ль моя простушка
ждёт ещё рождественских подарков
от друзей, чьи воспарили души.

Режу на доске столовой сало,
кот ярится – славная закуска!
А моя утеха обветшала,
и с годами радость стала куцей.

Есть настойка водочки с рябиной
и за печкой тёплой ночью ложе.
Я давно не спал уже с любимой,
сон её не смея потревожить.

Слушал ночью арии из опер
на каком-то радиоканале,
подпевал кота язык эзопов,
что пригрелся под бочком, каналья.

Светят мне в ночи цветки гераней –
звезды в доме, как с небесной грядки.
Нынче праздник!
Значит ранней ранью
снегири начнут свои колядки.

КОВЧЕГ
В буреломах дней легко ль карабкаться,
в забубённых травах ковылять?
Хватит! И тебе, моя, пора, коса,
лезвие оскалить в ковылях.

Стоит ли кивать и церемониться,
курам на смех гладить рыбий мех?
Выворотясь, кошка Циля моется
на пороге, путь закрыв для всех.

* * *
Налетят к полудню птичьи стаи,
хорошо воронам, да и прочим
галкам суматошным здесь раздолье.
Снег пожух, жнивьё раскрыв, растаял.
Где журавль должен быть –
лишь прочерк
следа самолётного над полем.

В перелеске проходимец ёжик
в травах застарелых ищет брод свой.
И бежит, земли едва касаясь,
сонное пространство растревожив,
зимнее оставив нищебродство,
к вешним злакам перебежчик заяц.

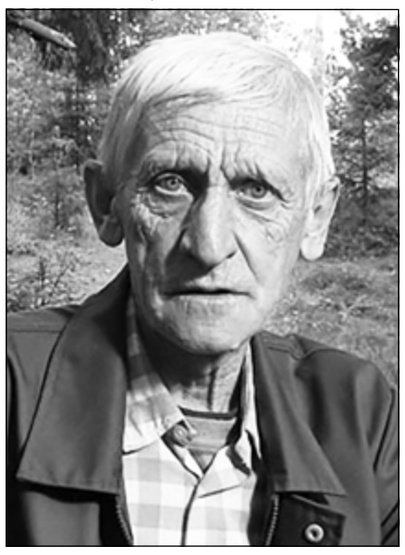
На дорожку в поле за посёлком
занесли и нас с тобою страсти
век назад весны отбушевавшей.
Так давай же впрок мы запасёмся
солнцем, что морщины наши ластит.
…Где там ёжик, заяц, птицы наши?

* * *
Хлебный мякиш деревень,
нафталин извёстки, силос…
В колокольчикову звень –
дребедень сенокосилок.

Праздник выцвел, толку – пшик…
Сгнил остаток по сусекам.
Нынче дружбу я вершить
буду с дятлом-дровосеком.

Врать соседским старикам
о своих: мол, только вышли…
И звонить по пустякам
в колокол пожарной вышки.

Всех, кто покладисты, –
клали рядами,
ну, а ершистых – на кол, да на дыбу.
Время не терпит объезды кривые,
смять норовит и крылатых и тварных.
Как в паранойе, котлы паровые
пробуют силу у станций товарных.
Может быть, я задремал под акафист
службы… Очнулся, а лица всё те же,
там, где на ярмарке странных вакансий
нас представлением кукольным тешат.
Лёгок заплечный мешок…
Одиноко ль
станет среди коломбин и петрушек?
Как в перевёрнутыйсмотришь бинокль –



Валентин ГОЛУБЕВ
А просто домой возвращаюсь...

Утром корки хлеба, зёрен плоть в горсти
вынесу воронам и дроздам.
Сколько сможет этот Ноев плот нести
речка жизни, столько и раздам…

За мои гостинцы за воронами
знаковых подарков мне должок.
А в ответ разбойницы: – Да вон они:
злаковых угодий пирожок!

Ёжики при встрече хорохорятся,
скалят зубки из-за тёмных скул.
Из сарая ночью ловкий хорь яйцо
у наседки-клуши умыкнул.

Всё случилось, что судьбой обещано,
у печного улыбнусь огня…
Знать, не зря ведь братья наши меньшие
приняли за равного меня.

МЕЛОВАЯ ЧЕРТА
– Веки Вию скорей поднимите, –
вурдалаки испариной дышат,
упыри изошлись в пандемии.
Расплодились летучие мыши,
полонив чердаки и скворешни.
Сквозняком наши двери открыты…
Что-то будет? Мы все не безгрешны,
да и я не философ, а ритор.

Петушиный распев на рассвете
тварей вынудит
сникнуть по схронам.
Жаль, Хома на вопрос не ответит,
как все было,
хоть парень не промах…

В скит пора мне –
на дачу, от скверны
на просторы полей-перелесков,
встретить день
Воскресения Вербный,
там где с Лазарем птицы воскресли.

Все наряды и страхи – пустое…
Как в вертепе под масками лица.
Только б нам меловою чертою
друг от друга не отделиться.

Ступа в доме – дни толочь,
да иконка старой меди.
За окошком, что ни ночь,
колобродят Буки, Веди…

В сутемь – ни звезды, ни зги…
Мотылёк в пустом стакане.
В степь – закашивать круги,
что оставят марсиане.

МАТЕРИНСКИЕ ЦВЕТЫ
Цветы скучают без хозяев,
они без нас не могут жить,
и оставлять одних нельзя их
на попеченье рук чужих.

За приручённых мы в ответе,
и пусть никто не виноват,
они, совсем как наши дети,
по-детски могут ревновать.

Ах, эта преданность святая!
Когда в разлуке с ними ты,
цветы хандрят и увядают,
из рук чужих не пьют воды.

Опять, как будто
в детстве раннем,
держу пред матерью ответ.
На подоконнике герани
ей трудный скрашивали век.

Увы, но путь земной не вечен,
мать в светлые ушла сады…
Как ни старался уберечь их,
погибли все её цветы.

И так и этак холил я их.
– Как быть мне,
мама, подскажи?
– Цветы скучают без хозяев,
они без нас не могут жить.

ЯРМАРКА ВАКАНСИЙ
В этом театре
над пьесой рыдали
грешники, да и святые
таили обиду…
мельче фигурки, и гомон всё глуше.
За нафталинной панбархатной шторкой
жизнь *что* – была? Нет!
Могла лишь присниться…
Сколько по клавишам
пальцем ни торкай –
не открывается эта страница.
На возвращение тешим надежды,
только вот прелестей нет без обманок.
И костюмер уже шьёт нам одежды,
жаль, на которых не будет карманов,
где разложить и печали и радость,
чтоб, не мешая друг другу, лежали,
а в потайной,
чтобы тля не закралась, –
фотку любимой с небесной скрижали.

* * *
Горячих денёчков дымится зола,
я весело жил и рисково.
Вот дама знакомая в Псков позвала,
смеюсь: – Староват я для Пскова…

Ещё молодых не пытаюсь учить,
в застолье сижу без заплаток,
но с меркою плотник
мне в двери стучит,
придурок соседский с лопатой.

Ещё для друзей есть в подвале вино,
и в праздник мне в храме не тесно.
Да только вот снится лишь детство одно
с грустинкой, о чём – неизвестно.

А в общем-то, время пришло уезжать,
сойти на крутом повороте
туда, где в болотах весной благодать,
а я лишь кулик на болоте.

Там волчьи у баньки следы на снегу,
там речка, часовенка, аист.
И я не от мира в чащобу бегу,
а просто домой возвращаюсь.

Туда, где в избе колыбелька-ладья
зовёт, что ни год, то всё жальче.
Пора возвращаться на круги своя
к деревьям, и к травам, и дальше…

ПЕРЕД ПАСХОЙ
Всю ночь,
без устали кружась,
Беспутый ветер на дороге
Опять клубил
сухую грязь
И клял, зверея, имя Бога.
И завывая и визжа –
Сродни щетинившимся бесам, –
То шёл в поля,
а то бежал
К уже проснувшемуся лесу.
…Но после всенощной затих
И, как дитя плаксив и нуден,
В печалях ветреных своих
Вернулся вдруг
под окна к людям.
Конца не ведая делам,
Одни роптали, а другие,
Войдя с утра
в холодный храм,
Безмолвно ждали литургию.

* * *
Нечасто полдень в сентябре –
Прозрачен и спокоен –
Стоит, в молчанье замерев
И растворившись в зное.
Так солнце в мареве лучей,
Застыв на небосводе,
Последней нежностью своей
Томительно исходит
На безмятежие земли…
И та с тоской о лете
Уснула в солнечной пыли,
Забыв про всё на свете…
…Но вдруг тугая тишина
Порвётся в жутких муках
По всей округе разом на
Десятки тысяч звуков –
И дождь везде! Стеной!
Теперь,
Как водится, лукаво,
Предощущение потерь
Прольёт свою отраву…

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА
Сойдутся гром, и звон, и тишь...

* * *
Какая блажь… О, кто бы знал,
Что так вот – по судьбе –
Весь мир однажды станет мал,
Замкнувшись на тебе.

Куда ни кинь случайный взгляд,
Подобно миражу
Твоё лицо… И я подряд
Сто лет в него гляжу.

В дурной напасти дух мой слаб.
И кажется порой,
Что я – давно безвольный раб,
Идущий за тобой.

* * *
Пронзив гряду тяжёлых туч
Негаданно-нежданно,
Упал на землю белый луч,
Искря пыльцой шафранной.

И вдруг почудилось на миг
В горящем блеске этом,
Что будто сам Архистратиг
Сошёл в потоке света.

Срываясь, ветер грубо выл –
Бесовски, непокорно…
И небо вкруг слепящих крыл
Покрылось мглисто-чёрным.

Как две горы в одно свели –
Гремело и сверкало –
И горько пахло от земли
В леса идущим палом…

* * *
В нависающей тишине,
В час, когда предзакатный свет
Жарким заревом на стене
Пыхнет, скоро сойдя на нет,
Подойди
ко мне невзначай,
Почитай
мне свои стихи
Громким голосом иль глухим
Полушёпотом.
Почитай…
Сердце, рвущееся в намёт,
Словом-ладаном успокой –
Будет слаще медовых сот
Мягко льющийся голос твой.
Тонко встанет опять в окне
Фосфорический полукруг,
Исходя в неживом огне
На податливость лиц и рук…
Точен в ритме дурманный слог,
Слов легка золотая вязь!
А ведь ты бы, пожалуй, мог
Душу вынуть, легко смеясь.
Вечер в ночь обернётся и,
Оборвав отчего-то стих,
Ты с улыбкой в глаза мои
Глянешь вдруг,
бессловесно тих.

* * *
Всему на свете свой черёд,
Всему отмечен срок,
И время-страж идёт вперёд,
Сводя судьбу и рок –
Сойдутся гром, и звон, и тишь,
Восторг и дикий страх!
И будет явь не явь, а лишь
Видение во снах.
И верь не верь, придёт она,
Не ангел и не бес, –
Любовь-тоска, любовь-вина –
Тяжёлый дар небес…

РОМАНС ПРЕДЗИМЬЯ
Д.Тишинкову
Кругом темно.
И лишь прикованный
Фонарь у дома на углу
Глядит недвижно, зачарованно
В глухую эту полумглу.
Его округлый контур призрачен,
Но из тягучей темноты
Неярким светом всё же выхвачен
Разгул осенней суеты.
Ноябрь. Тоска…
О месяц ветреный!
В твоём немыслимом плену
Всё угасающее медленно
Отходит к мертвенному сну…
И в нескончаемом гудении
С дождями – вдруг –
поверх оград
Ещё не смерть, но запустение
Проникло в яблоневый сад.
Листвы оранжевые ворохи,
Оттенки красного храня,
Как неожиданные сполохи
Уже потухшего огня.
И вторя общему унынию,
Сойдясь в один безликий ряд,
К земле склонившиеся цинии
С безмолвной жалобой стоят…

* * *
Нынче ночь, как день, бела.
Всё видать… И тихо-тихо,
Не спеша, в тени угла
Сеть сплетает паучиха.

Ей – бессонной – не впервой
Ткать полотна. Еле-еле,
Помавая головой,
Тянет нитку из кудели.

И снуёт её челнок
Монотонно, неустанно.
Кружевной водоворот,
Будто омут окаянный.

СПЛИН
В душе уставшей пустота…
И сердце глухо к просьбам.
Вроде
Живу, дышу. Но я не та…
И часть меня уже уходит
За обозначенную грань.
И всё как будто
ближе, ближе
Черта, обрыв.
И только встань –
Тебя, как щепку,
пламя слижет.

ДЕКАБРЬСКОЕ
Вот уже который вечер,
Улыбаясь детским снам,
Тонкий месяц звёзды мечет
В уголки оконных рам.
Зябкий ветер пылью снежной,
Взмыв над крышами домов,
Стелет всюду безмятежно
Свой серебряный покров.
И скитаясь по безлюдным
Перекрёсткам и дворам,
Он поёт протяжно, нудно
Песню северным ветрам.
Но, к земле сорвавшись голой,
Вдруг затихнет, словно тать…
Верно, надо на Николу
От него морозов ждать…

НИЩАЯ
В рукав покашливая глухо,
У входа в церковь день-деньской
Стоит убогая старуха,
Взывая к милости людской.

В глазах её, почти незрячих,
Недужный мечется огонь,
И потому она не прячет
От ветра стылого ладонь.

Всегда скорбя чужой утрате,
Она с молитвой на устах
Напевно славит Божью Матерь
И чтит безропотно Христа.

Бывает, спустится к ограде.
Повсюду люди – там и тут,
И ей безмолвно Бога ради,
В лицо не глядя, подают…

Но в полукрике-полустоне
Она вдруг станет чуть бледней
И не заметит, как обронит
Всё то, что дали в руку ей.

И с головы белёсо-дымной
Потянет плат, не развязав,
Скрывая в горе неизбывном
Давно бесцветные глаза.

СТИХО*ТВОРЕНИЕ*
Полуявь, как морок винный…
И сплетаются слова
Вязкой нитью паутинной
Тонко в сети-кружева.
И покорный лист безволен…
А спешащая рука
В сладкой прихоти раздолья,
Точно бабочка, легка…

Ольга ЗАПОЛЬСКИХ
И лес по деревцу входил...

* * *
Завсегдатай всех дат,
Всех риторик – историк,
Я – Фома и Сократ,
И слуга аллегорий,

Изживающий гнев
Через боль и обиду,
Чей-то вздор, чей-то блеф
Со времён Атлантиды.

Волей бурь и судеб
Презирающий бури,
Я – лишь скромный адепт
Сокровенной Лемурии.

Здесь и всем имярек
(в палестинах и мекках),
Я – простой человек
Двадцать первого века.

* * *
Под вечер в дрёме
глохнут краски,
И слепнет в полутёмке день.
И облаков намокших связка
Глотает блики на воде.

Кривя с небес улыбкой тонкой,
Уж месяц жалится иглой.
А лес, что днём
стоял в сторонке,
Пришёл проситься на постой.

И каждый куст в ряду у пруда,
И лип знакомых череда
С ним заодно: хотят уюта.
Ну, заходите, кто куда.

И тучи позвала я в гости
(ведь были тучи так грустны).
Ну, коль пришли,
то плакать бросьте,
А то промочите мне сны.

Кудрявый выбившийся локон
У тучи месяц подхватил.
И лес по деревцу входил
В проёмы всех открытых окон.

АРХАИЗМ
Гулко клацают часы: «Так-то!».
Бьют то в такт, то невпопад –
из-за такта.
То ли в тапочках идут прямо,
То ли с выходом идут из-за печи…
На дороге всё, видать, ямы.
Всё не выровнять никак – нечем.

Может, время так идёт, боком?
То с налёта набежит,
то с прискока…
То из крана, как вода, хлещет,
То иссохнет до кривых трещин.

Вот и в людях – ничего, кроме…
Вновь – по кухням.
Да в душе – ломит…
Им былая не нужна повесть.
Спит в комоде архаизм –
совесть.

* * *
Коптила лампадка, горела
И вспыхивала, померцав…
С иконы Россия глядела
Всесведущим
взглядом Творца.

Что воля в глазах, что неволя…
На лике бесстрастны черты.
Застыла вселенская доля
В двух омутах немоты.

Рассеяла власы по суше,
Главу преклонив на Урал.
И сна твоего не нарушит
Никто, кто б тебя ни пытал

Калёным железом ли зельем,
Копытом чужим иль венцом,
Ни пиром честным,
ни весельем…
Сама ты – рабом и Творцом.

Сжигали тебя, предавали
Щедроты твоих палестин…
Ты – ариев иерарий,
Ты – вечности Господин.

Ты, опыт прожив человечий,
Поднимешься с самого дна…
Ты Россо. Ты Русь. Ты предтеча.
Такая в тебе глубина.

* * *
Хорошо быть беспечным,
Гулять по травам,
По шёлковым травам
И мхам безупречным…
Со времён Адама –
Целая вечность.
Калёными зорями
Первых встречных
Изрезбрена даль.
Бессребреных жаль…
Хорошо быть беспечным…
Да травы колючи.
Не реки, – болота
Затяго-тягучи…
А там, за буграми,
Ощерены крепи…
Копыта по степи…
Нет сносу мозолям
На вечные веки…
Кольчуги, чеканы…
Герои. Калеки.
Любовь высока.
Да о Небо разбита…
О, сколько судеб
Растоптали копыта!
Быльём поросло.
И до самых небес
Играет еловыми
Скрипками лес.

* * *
Чёрный олень – золотые рога –
Звёздную крошку
сбивает копытцем.
К речке склонился, рога помакал.
Ох, и студёною стала водица…

Травы, ещё не горьки – не сладки,
Смотрятся в омут, покуда безлики…
Сам златорогий властитель реки
Бродит один по кустам базилика.

Звёздная крошка опала в луга,
Утренней зорькой
по травам клубится.
Вольная воля. Выходит Вольга.
Есть где на воле плечу раззудиться.